

Итало Кальвино

Несуществующий рыцарь

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
И92

И92 **Итало Кальвино**
Несуществующий рыцарь / Итало Кальвино – М.: Книга по Требованию,
2012. – 70 с.

ISBN 978-5-4241-3066-3

«Несуществующий рыцарь» — третий и последний роман цикла «Наши предки», написанного самым популярным и читаемым итальянским писателем — Итало Кальвино, Фантасмогорическая реальность, игра, сказка — основа сюжета. Чистая и прозрачная проза — составляющая книги великого итальянского писателя.

ISBN 978-5-4241-3066-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Итало Кальвино

Несуществующий рыцарь

I

Под красными стенами Парижа выстроилось воинство Франции. Карл Великий должен был произвести смотр своим паладинам. Они ждали уже больше трех часов. Стоял один из первых летних дней; небо было затянуто облаками, но это нисколько не умеряло послеполуденного зноя. Паладины варились в своих доспехах, как в кастрюлях, подогреваемых на медленном огне. Нельзя поручиться, что кто-нибудь из неподвижно стоявших рыцарей не потерял сознания либо не заснул, но, скованные латами, они держались в седлах все, как один, грудью вперед. Вдруг трижды взревела труба; перья на шлемах дрогнули, словно в застывшем воздухе дохнул ветерок, и тотчас же смолкло подобье морского рокота, что слышался до сих пор, — то явно был храп, приглушенный железом горлового прикрытия и шлема. Вот, наконец, и он, Карл Великий, на коне, который кажется неестественно огромным; борода на груди, ладони — на луке седла, он подъезжал, приметный издали. Царствует и воюет, воюет и царствует — и так год за годом, вот только постарел немного с той поры, как собравшиеся воины видели его в последний раз.

Он останавливал коня перед каждым офицером и, наклонившись, осматривал его с головы до ног.

— А вы кто, паладин Франции?

— Саломон из Бретани, ваше величество! — рапортовал тот во весь голос, подняв забрало и открыв пышущее жаром лицо. И добавлял какие-нибудь практические сведения вроде: — Пять тысяч конных, три тысячи пятьсот пеших, тысяча восемьсот обозных, пять лет походов.

— Вперед, бретонцы! — говорил Карл и — цок-цок! — подъезжал к другому командиру эскадрона.

— А вы кто, паладин Франции? — снова начинал он.

— Оливье из Вены, ваше величество! — отчеканивал тот, едва только поднималась решетка шлема. И тут же: — Три тысячи отборной конницы, семь тысяч пехоты, двадцать осадных орудий. Победитель язычника Фьерабраса, по милости Божией и во славу Карла, короля франков!

— Отлично, венец, — говорил Карл ему, а потом — офицерам свиты: — Кони немного отошали, добавьте им овса! — И отправлялся дальше. — А вы кто, паладин Франции? — повторял он все в том же ритме: «татата — татата — татата...»

— Бернард из Монпелье, ваше величество! Победитель Брунамонта и Галиферна.

— Прекрасный город Монпелье! Город прекрасных дам! — И повернувшись к сопровождающему: — Проверь, не обошли ли мы его чином. — И тому подобное, весьма приятное в устах короля, но неизменно повторяемое вот уже много-много лет.

— А вы кто? Ваш герб мне знаком!

Он знал всех по гербам на щитах и не нуждался в рапортах, но так уж было

заведено, чтобы они сами называли имя и открывали лицо. Потому что иначе нашлись бы такие, которые предпочли бы заняться чем-нибудь поинтереснее, а на смотр послали бы свои доспехи, засунув в них кого-нибудь другого.

— Галард из Дордони, сын герцога Амонского...

— Молодец, Галард, а что папаша?.. — И снова: «татата — татата — татата...

»

— Гвальфрид из Монжуа! Восемь тысяч конницы, не считая убитых...

Раскачивались султаны на шлемах.

— Уггер Датчанин! Нам Баварский! Пальмерин Английский!

Наступал вечер. Уже нелегко было разглядеть лица между пластинами забрала. Каждое слово, каждое движение можно было предугадать, как и все прочее в той длившейся столько лет войне: каждую стычку, каждый поединок, который проходил по одним и тем же правилам, так что можно было заранее предсказать, кто победит завтра, кто будет повержен, кто явит себя героем, кто трусом, кому выпустят потроха, а кто легко отделается, лишь вылетев из седла и стукнувшись задом оземь. Вечером, при свете факелов, кузнецы молотом правили всегда одни и те же вмятины на латах.

— А вы?

Король подъехал к рыцарю в светлых доспехах, только по краям окаймленных черным, остальное же было ослепительно ярким и безукоризненным, без единой царапины, хорошо пригнанным в каждом сочленении, и венчалось шлемом с султаном из перьев какого-то индейского петуха, переливавшихся всеми цветами радуги. На щите был изображен герб меж двух собранных складками полотен широкого намета, на гербе был такой же намет, обрамлявший герб поменьше, изображавший еще меньший намет с гербом посередине. Все более тонкими линиями изображалась череда распахи瓦ющихся наметов, в самом центре между ними, наверное, что-то было, но рисунок был такой мелкий, что и не разглядеть.

— А вы кто, такой аккуратный?.. — спросил Карл Великий: чем дольше шла война, тем реже приходилось ему видеть, чтобы паладины так заботились о чистоте.

— Мое имя, — голос из-за закрытого забрала звучал металлически, отдаваясь легким гулким эхом, словно вибрировали не связки, а само железо лат, — Агилульф Гем Бертрандин де Гвильдиверн д'Альтро де Корбентраз-и-Сура, владетель Ближней Селимпии и Феца!

— А-а-а... — негромко произнес Карл Великий, оттопырив нижнюю губу, как будто хотел сказать: «Будь я обязан помнить всех по именам, тяжело бы мне пришлось». И тут же нахмурился: — А почему вы не подымете забрала и не покажете мне лица?

Рыцарь не шевельнулся; его рука в стальной, отлично пригнанной рукавице крепче сжала узду, меж тем как другая, державшая щит, как будто задрожала.

— Я к вам обращаюсь, паладин, — не отставал Карл. — Почему вы прячете лицо от своего короля?

Из-за подбородника раздался внятный голос:

— Потому что меня не существует, ваше величество.

— Еще чего! — воскликнул император. — Не хватало нам в армии рыцаря, которого не существует! Позвольте взглянуть.

Агилульф, казалось, поколебался еще мгновение, потом медленно, но твердой

рукой поднял забрало. Шлем был пуст. Внутри светлых лат с переливающимся султаном никого не было.

— М-да, м-да, чего только не увидишь, — удивился Карл Великий. — Но как вам удастся служить, если вас нет?

— Силой воли, — сказал Агилульф, — и верой в святость нашего дела!

— Вот именно, вот именно, хорошо сказано, так и нужно исполнять свой долг. Что ж, для человека, которого не существует, вы держитесь молодцом!

Агилульф был замыкающим. Император, таким образом, закончил смотр и, повернув коня, удалился к королевским шатрам. Он был стар и пытался не слишком забивать голову сложными вопросами.

Трубач сыграл сигнал «разойтись». Как всегда, кони смешались в кучу, высокий лес пик наклонился и пошел волнами, как пшеничное поле под ветром. Рыцари спешивались, разминали ноги, оруженосцы уводили коней под уздцы. Потом из гущи людей и клубов пыли стали поодиночке возникать паладины и собираться в осененные разноцветными султанами кучки, чтобы вознаградить себя за эти часы вынужденной неподвижности шутками и хвастовством, болтовней о женщинах и почестях.

Агилульф тоже сделал несколько шагов, чтобы замешаться в какой-то кружок, затем без всякого повода перешел к другому, но не смог протиснуться, и никто не обратил на него внимания. Он немного постоял в нерешительности у всех за спиной, не принимая участия в разговорах, и отошел в сторону. Смеркалось. Радужные перья султана слились теперь в один неразличимый цвет, но светлая броня одиноко выделялась на лугу. Агилульф, как будто вдруг почувствовав себя голым, прикрыл грудь руками и приподнял плечи.

Потом он встряхнулся и широким шагом направился к конюшням. Придя туда, он обнаружил, что лошади не обихожены по правилам, накричал на стремянных, назначил наказания конюхам, проверил очередь нарядов, дал каждому новое задание, скрупулезно объяснив, как его выполнять, и заставив все повторить, чтобы убедиться, хорошо ли его поняли. И так как то и дело всплывали какие-нибудь упущения по службе, он по очереди подзывал к себе товарищей, паладинов-офицеров, отрывая их от праздных и приятных вечерних бесед, указывал им скромно, но неукоснительно твердо на все промахи и отправлял кого в пикет, кого стоять на часах, кого идти с патрулем и так далее. Он всегда был прав, и паладины не могли отвертеться, но не скрывали неудовольствия. Агилульф Гем Бертрандин де Гвильди-верн д'Ачэтро де Корбентраз-и-Сура, владетель Ближней Селимпии и Феца, был, конечно, образцовым солдатом, но все они его недолюбливали.

II

Ночь для стоящего лагерем войска течет так же размеренно, как звезды в небе: смена караула, офицер-разводящий, патрули. В остальное время — сплошная неразбериха действующей армии; дневное кишение, в котором любая неприятность может возникнуть так же внезапно, как лошадь — взбеситься, стихает теперь, потому что сон одолел всех воителей и скакунов христианского стана: животные спят, стоя рядами, то и дело бьют копытами и коротко ржут либо всхрапывают, люди высвободились наконец из панцирей и шлемов и, довольные тем, что снова превратились в отдельные, не похожие друг на друга человеческие

существа, храпят все как один.

Впрочем, и в стане басурман все то же самое: расхаживанье часовых; начальник караула, который смотрит, как выбегают последние песчинки в часах, и идет будить сменных; офицер, который использует бессонную ночь, чтобы написать жене. И оба патруля, христианский и басурманский, сближаются на расстояние полумили, доходят почти до леса, но потом поворачивают один от одной, другой от другой опушки, возвращаются, так никогда и не повстречавшись, восвояси, докладывают, что все спокойно, и отправляются спать. Звезды и луна молчаливо проплывают над враждебными станами. Нигде не спится так сладко, как на военной службе.

Только Агилульфу было отказано в этом утешении. Одетый в доспехи по всей форме, под кровом своего шатра, одного из самых прибранных и комфортабельных в христианском стане, он пробовал лечь на спину и вытянуться, но продолжал думать, и то были не блуждающие, дремотные мысли, а всегда строгие и точные рассуждения. Спустия немного он приподнимался на локте, так как чувствовал потребность чем-то занять руки, например почистить клинок меча, и без того начищенный до блеска, или смазать жиром сочленения доспехов. Но и это длилось недолго: вот он уже на ногах, вот выходит из шатра с копьём и щитом в руках, и его белеющий силуэт можно видеть по всему лагерю. Из островерхих шатров раздавался целый концерт — тяжелое дыхание спящих. Что такое эта возможность закрыть глаза, забыться, погрузиться в пустоту на несколько принадлежащих тебе часов, а потом проснуться и обрести себя прежним, снова связать нить своей жизни, Агилульф не знал и знать не мог, а потому его зависть к обладающим этим даром — спать, свойственным лишь тем, кто существует, была смутной: можно ли завидовать тому, чего ты не в силах себе представить? Больше всего его поражал и беспокоил вид голых ног, кое-где торчавших из-под полога вверх пальцами: заснувший лагерь был царством тел, лежбищем плоти ветхого Адама, источавшей запах выпитого вина и пролитого за день пота, а у входа в палатки валялись пустые доспехи, которые оруженосцы и челядинцы к утру начистят и приведут в порядок. Агилульф проходил мимо, внимательный, напряженный, надменный; тела у тех, кто имел их, — вот что вызывало у него неприятное чувство, похожее на зависть, и вместе с тем заставляло сердце сжиматься от гордости и пренебрежительного превосходства. Вот они, прославленные соратники, именитые паладины, что они собой представляют? Доспехи, знаменующие их имя и чин, свидетельствующие о совершенных подвигах, о мощи и доблести, — все это сейчас лишь жалкая оболочка, пустые железки, а люди — вон они храпят, вплющившись щекой в подушку и выпуская из открытого рта ниточку слюны. Зато уж его-то нельзя разобрать на части, расчленить: в любой час дня и ночи он был и оставался Агилульфом Гемом Бертрандином де Гвильдиверном д'Альтро де Корбентраз-и-Сурой, который был тогда-то облечен титулом оруженосного владетеля Ближней Селимпии и Феца, прославил христианское оружие такими-то и такими-то подвигами, принял на себя в войске императора Карла Великого командование такими-то и такими-то частями. Ему принадлежали самые прекрасные, самые блестящие во всем стане доспехи, неотделимые от него, и он был лучшим офицером из многих, кичащихся своими отличиями, даже из всех офицеров. И все-таки он бродил по ночам, чувствуя себя несчастным. Неожиданно раздался голос:

— Господин офицер, прошу прощения, когда придет смена? Я битых три часа торчу здесь! — Это был часовой, он опирался на копье, будто это не копье, а рогатина.

Агилульф ответил, даже не оглянувшись:

— Ты ошибся, я не разводящий! — И прошел дальше.

— Простите, господин офицер, я увидел, как вы тут кружите, вот и подумал...

Малейшее упущение по службе вызывало у Агилульфа неодолимую потребность все проверить, найти в чужих действиях оплошности и небрежности, он чувствовал острую боль за то дело, которое делается плохо или не к месту... Но осуществлять такую проверку и в такой час было вне его полномочий, это само по себе сочли бы неуместным, нарушающим дисциплину. Агилульф старался не давать себе воли, ограничить свои заботы частностями, за которыми надо проследить завтра, вроде сооружения для запасных копий или особых устройств для сена, чтобы оно не отсырело... И тем не менее его светлый силуэт вечно путался под ногами у начальника караулов, у дежурного офицера, у патруля, что обшаривал подвал в поисках бутылки вина, оставшейся со вчера... Каждый раз Агилульф одно мгновение раздумывал, как ему вести себя: как лицу, одно присутствие которого способно внушить уважение к власти, или как постороннему, который, оказавшись там, где ему делать нечего, отступает на шаг, скромно делая вид, будто его здесь и нет. В моменты колебаний Агилульф останавливался в задумчивости и не решался выбрать ни ту ни другую линию поведения, только чувствовал, что докучает всем; ему хотелось бы войти хоть в какие-нибудь отношения с ближними, например выкрикивать приказы и ругаться, как унтер, или горлопанить и браниться последними словами, как в кабаке, среди собутыльников. Вместо этого он бормотал что-то невнятное в знак приветствия, прикрывая робость высокомерием или укрощая высокомерие робостью, и шел дальше, но ему казалось, что те окликают его, он оборачивался, переспрашивал: «А?» — но тотчас же убеждался, что обращаются не к нему, и уходил так поспешно, будто спасался бегством.

Порой он забредал на край лагеря, в пустынные места выше по голому склону холма. Недвижимость ночи нарушало только легкое колыхание бесформенных теней на бесшумных крыльях, кружившихся так, что никак нельзя было понять направления полета: то метались нетопыри. Но даже их жалкое тело, то ли мышье, то ли птичье, было чем-то осязаемым и определенным, оно позволяло метаться в воздухе с открытой пастью и глотать комаров, меж тем как Агилульфа со всеми его доспехами через щели пронизывал ветер, пролетали комары, просвечивали лунные лучи. Беспредметная ярость, копившаяся в нем, вдруг прорвалась наружу: он вытащил из ножен меч, схватил его обеими руками и стал изо всех сил размахивать в воздухе, стараясь задеть каждого спускавшегося нетопыря. Напрасно: те продолжали свой полет без начала и конца, лишь чуть покачнувшись от сотрясения воздуха. Агилульф наносил удар за ударом, теперь он уже не метил в нетопырей; его взмахи приняли более правильное направление, какое предписывала наука фехтования на мечах; и вот уже Агилульф упражнялся, словно готовясь к предстоящему сражению, щегольски выделявая по всем правилам искусства парады, траверсы и ложные выпады.

Вдруг он остановился. Из-за изгороди на холме высунулся молодой человек и смотрел на него. Вооружен он был только мечом, а грудь была защищена легким

панцирем.

— Ах, рыцарь! — воскликнул он. — Я не хотел вам мешать. Ведь вы готовитесь к сражению, да? Потому что с первыми лучами солнца начнется битва? Вы не позволите мне поупражняться с вами? — И, помолчав, прибавил: — Я прибыл в лагерь только вчера... Это будет мое первое сражение... Здесь все совсем не так, как я ожидал...

Агилульф стоял теперь боком, прижав к груди меч, сложив руки и заслонившись щитом.

— Диспозиция на случай вооруженного столкновения, принятая по обсуждению командованием, сообщается господам офицерам и войскам за час до начала операций, — сказал он.

Молодой человек немного смутился, словно его осадили на всем скаку, но потом, чуть-чуть заикаясь, начал с прежним жаром:

— А я... я прибыл как раз теперь... отомстить за отца... И пожалуйста, пусть кто-нибудь из вас, старших, будет так любезен научить меня, как мне сойтись в битве лицом к лицу с этим неверным псом, аргалифом Исохаром, да, именно с ним, и вонзить ему копьё промеж ребер, как он поступил с моим доблестным родителем, да сохранит Господь славу его имени, с покойным маркизом Герардом Руссильонским!

— Это очень просто, мой мальчик, — сказал Агилульф, и в голосе у него даже звучало тепло, какое появляется у человека, который, зная все уставы и распределение обязанностей, с удовольствием выставляет напоказ свою осведомленность и приводит в замешательство неопытного собеседника. — Ты должен представить запрос в Суперинтендантство по делам поединков, мщения и запятнанной чести, подробно изложив мотивы ходатайства, и там изучат вопрос, как лучше обеспечить тебе условия получения желаемой сатисфакции.

Юноша, ожидавший хотя бы знака изумления и почтения при имени отца, был уязвлен более тоном услышанного, нежели его смыслом. Потом он попытался обдумать сказанное рыцарем, но лишь для того, чтобы про себя все отвергнуть и не дать своему порыву угаснуть.

— Но какое мне дело до Суперинтендантства, рыцарь? Я тревожусь оттого, что спрашиваю себя, как быть, если в битве храбрость, которую я в себе чувствую, ожесточение, которого мне хватит, чтобы выпотрошить сотню басурман, мастерское владение мечом — потому что выучка у меня, доложу вам, отличная, я говорю, что, если в большой схватке, прежде чем я сориентируюсь, — словом, сам не знаю... Если я не отыщу этого пса, если он избегнет меня, я хотел бы знать, как поступаете в таких случаях вы, рыцарь, скажите мне, когда в бою должен решиться вопрос, касающийся лично вас, имеющий непреложное значение для вас, и только для вас одного.

Агилульф ответил сухо:

— Я строго придерживаюсь диспозиции. Поступай так же, и ты не ошибешься.

— Простите, — произнес молодой человек, доведенный почти до оцепенения, — я не хотел вам докучать. Для меня было бы удовольствием поупражняться на мечах с вами, с паладином. Потому что я, доложу вам, фехтую отлично, но иногда, особенно рано утром, мышцы окоченелые, холодные, не пружинят как следует. С вами такое случается?

— Со мной никогда, — сказал Агилульф, повернулся к нему спиной и тотчас ушел.

Молодой человек побрел по лагерю. Был смутный час, предшествующий рассвету. Между шатрами появлялись вставшие ото сна воины. Еще до того, как протрубили зорю, штабные были уже на ногах. В палатках командиров и ротных канцелярий загорались факелы, боровшиеся с полусветом, что сочился с небес. Действительно ли день, который занялся, будет днем битвы, как о том поговаривали с вечера? Новоприбывшего снедало волнение, но не такое, какого он ожидал, не то, которое привело его сюда; скорее, это было беспокойство, обретет ли он почву под ногами, потому что все, чего он касался, отдавалось гулкой пустотой.

Навстречу ему шли паладины, уже заточенные в сверкающие панцири, в шлемы с султанами и со скрывавшими лица забралами. Молодой человек оглядывался им вслед, у него рождалось желание подражать их осанке, их манере поворачиваться всем туловищем, словно латы, шлем, оплечья — все вылило из одного куска. Теперь он и сам среди непобедимых паладинов, теперь он готов с оружием в руках показать себя в битве, уподобиться им. Но те двое, за которыми он последовал, вместо того чтобы сесть в седло, уселись за стол, заваленный бумагами, — наверняка то были высокие чины. Молодой человек поспешил представиться им:

— Я — вольноопределяющийся Рамбальд Руссильонский, наследник маркиза Герарда! Я пришел в войско, чтобы отомстить за отца, павшего смертью героя под стенами Севильи.

Те двое подносят руки к шлемам, снимают их, отделив подбородник от бармицы, и ставят на стол. Из-под шлемов появляются две лысые головы, два лица с желтоватой, дряблой, отвисшей мешками кожей и чахлыми усиками: лица писцов, службистов-бумагомарак.

— Руссильон, Руссильон, — бормочут они и, послунив пальцы, перебирают какие-то свитки. — Но ведь мы уже внесли тебя в списки вчера! Чего тебе еще надо? Почему ты не при своем подразделении?

— Я... я и сам не знаю... Просто этой ночью я не мог уснуть... все думал о сражении, я должен отомстить за отца, понимаете, должен убить аргалифа Исохара, а значит, мне надо искать... как его?... Суперинтендантство по делам подчиненных и запятнанной чести. Где оно?

— Гляди-ка, не успел явиться, а что выкладывает! Да ты-то откуда знаешь о Суперинтендантстве?

— Мне сказал рыцарь, как же его зовут?.. Ну этот, в светлых доспехах...

— Уф-ф! Его только не хватало! И во все ему надо сунуть нос, которого у него нет.

— Как? У него нет носа?

— Раз у него самого зудеть нечему, — сказал второй из сидевших за столом, — так он лезет чесать, где зудит у других.

— Почему у него зудеть нечему?

— А в каком месте, по-твоему, у него будет зуд? Мест-то нет никаких. Он — рыцарь, которого нет...

— Как нет? Он был, я его видел.

— Что ты видел? Железки... Он есть, и вместе с тем его нет, понимаешь, дурошлеп?

Никогда молодой Рамбальд не смог бы вообразить себе, что внешность бывает так обманчива: с того мгновения, как он попал в лагерь, все оказывалось иным, чем казалось.

— Значит, в войске Карла Великого можно быть именитым рыцарем со множеством титулов, можно исправно нести службу, быть доблестным воителем и в то же время совсем не обязательно существовать?

— Тихо! Никто не говорит, что в войске Карла Великого можно, а что необязательно. Мы только сказали: в нашем полку есть такой-то и такой-то рыцарь, вот и все. Что может быть вообще и чего не может быть, нас не касается. Понял?

Рамбальд направился к шатру Суперинтендантства по делам поединков, мщения и запятнанной чести. Молодой воин больше не позволял себе обольщаться насчет панцирей и пернатых шлемов: он понимал, что латы, восседающие за этими столами, прячут людишек хилых и пропыленных. Спасибо еще, что внутри доспехов есть хоть что-нибудь.

— Так, значит, ты желаешь отомстить за отца, маркиза Руссильонского, в чине генерала? Ну что ж. Порядок таков: чтобы отомстить за генерала, необходимо убить трех майоров. Мы можем указать тебе таких, с которыми нетрудно справиться, и твое дело сделано.

— Нет, я плохо объяснил. Аргалиф Исохар — вот кого мне нужно убить. Это от его руки погиб мой отец.

— Да-да, мы поняли, но не думай, что победить аргалифа — такая простая штука... Хочешь четырех капитанов? Мы гарантируем тебе четырех басурманских капитанов за одно утро. Ведь четыре капитана идут за генерала армии, а твой отец был только бригадным генералом.

— Я буду искать Исохара и выпущу из него потроха. Только из него самого!

— И кончишь на гауптвахте вместо битвы, будь уверен! Подумай немного, прежде чем ерепениться. Если мы ставим тебе палки в колеса, значит, на то есть причины... а вдруг наш император ведет с Исохаром какие-нибудь переговоры...

Но тут один из служащих, который до поры сидел зарывшись с головой в бумаги, поднял ее и радостно воскликнул:

— Все! Проблема решена! Никакого мщения не требуется. Позавчера Оливье вообразил, что двое его дядюшек погибли в бою, и расквитался за них. А они валялись под столом пьяные. Как вам это нравится? Теперь на нашем счету две лишние мести. Вот все и уладилось: одну месть за дядю посчитаем как полместа за отца, и выходит, что у нас есть вакантный отмщенный родитель!

— О, мой отец! — Рамбальд был вне себя.

— Чего это тебя разобрало?

Сыграли зорю. В рассветных сумерках весь стан кишел рыцарями в доспехах. Рамбальд из Руссильона и рад бы замешаться в эту толпу, понемногу формирующуюся во взводы и другие регулярные части, но он не мог отделаться от ощущения, что весь этот скрежет железа о железо не больше чем трепыханье жестких надкрылий насекомых, потрескивание пустых оболочек. Многие рыцари были закованы в латы и шлемы, а ниже пояса, под набедренниками и крестцовым прикреплением, торчали ноги в штанинах и чулках, ибо для того, чтобы надеть налядвенники, наколенники и бутурлыки, воину нужно было сначала сесть в седло. Под таким стальным туловищем ноги казались особенно тонкими,

вроде лапок кузнечика; что-то от кузнечиков или муравьев было и в том, как при разговоре люди качали круглыми безглазыми головами и как они держали согнутыми руки, скованные налокотниками и наручами, так что вся эта суета напоминала копошение насекомых. Глаза Рамбальда что-то отыскивали в их гуще: то были светлые доспехи Агилульфа, которого он надеялся вновь увидеть, то ли потому, что его появление придало бы и остальным войскам какую-то вещественность, то ли потому, что самым осязаемым представлялось ему до сих пор знакомство с несуществующим рыцарем.

Рамбальд заметил его под сосной, где тот сидел, выкладывая на земле маленькие сосновые шишки правильным узором из треугольников. На рассвете Агилульф всегда испытывал потребность поупражняться в точности: сосчитать предметы, разложить их в виде геометрических фигур, порешать арифметические задачки. Ведь в этот час все вещи теряют плотность темного силуэта, присущую им ночами, и понемногу обретают краски, но прежде проходят сквозь полосу неопределенности, едва тронутые светом и почти растаявшие в его ореоле; в этот час легче всего усомниться в существовании мира. Агилульфу каждый миг необходимо было ощущать перед собой предметы, подобные массивной стене, которой следует противостоять напряжением всей своей воли: только так он сохранял неприкосновенным свое самосознание. Если же, напротив того, мир вокруг окутывался туманом, делался неопределенным, Агилульф чувствовал, что и сам растворяется в мягком полусвете, и не мог добиться, чтобы из пустоты выплыла отчетливая мысль, быстрое решение, педантическая придирка. Ему бывало плохо: в такие мгновения он чувствовал, что теряет себя, и нередко только крайним усилием воли не давал себе улетучиться. Тут он принимался считать: листья, камни, копыя, шишки — все, что попадалось на глаза. Или выкладывать их прямыми линиями, правильными квадратами либо пирамидами. Поглощенность этой точностью позволяла ему одолеть дурное самочувствие, подавить в себе недовольство, беспокойство и расслабленность, вновь обрести привычную ясность и собранность.

Таким увидел его Рамбальд: сосредоточенными быстрыми движениями Агилульф выкладывал шишки треугольниками, потом на каждой стороне треугольника строил квадрат и с упрямством одержимого пересчитывал шишки, сравнивая сумму из квадратов на катетах с суммой квадрата на гипотенузе. Рамбальду было понятно, что тут все идет по заведенному ритуалу, по формуле, но что же, что за этим скрывалось? Он испытывал смутное тягостное чувство, так как знал, что ему эти правила игры недоступны... Но, в конце концов, разве его собственная воля отомстить за смерть отца, его пыл найти себе место в бою среди воинов Карла Великого не такой же ритуал, как Агилульфово перекладывание шишек с целью не погрузиться безвозвратно в ничто? Взволнованный и угнетенный этими неожиданно нахлынувшими на него вопросами, молодой Рамбальд кинулся на землю и расплакался.

Вдруг он почувствовал, как на голову ему легла рука, железная, но легкая. Агилульф опустил рядом на колени:

— Что с тобой, малыш? Почему ты плачешь?

Упадок духа, приступы отчаяния или ярости в других человеческих существах немедленно возвращали Агилульфу спокойствие и совершенное самообладание. Он чувствовал себя неподвластным треволениям и тревогам, которым подвер-